

название добровольцев: «кадеты»... Они были разорены и оторваны от своих семейств... У одного разорили до тла и сожгли на глазах любимое родовое гнездо—имение; у другого замучили отца, брата и всех ограбили да ниточки» (стр. 92).

Это были люди вполне определенной социальной категории. Люди, которых революция лишила их привилегированного, сытого положения.

Армия Корнилова была армией классовою, армией имущих.

Это давно известно, конечно, но это самое интересное, что есть в «воспоминаниях» Половцева,—интересное потому, что говорится и признается именно Половцевым.

Значение «воспоминаний» Половцева, как исторического источника, ничтожно. Даже историю Корниловского похода, которому посвящена вся книга, можно будет написать без них.

С. Пионтовский.

Г. КИРДЕЦОВ. У ворот Петрограда. Берлин, 1921 г. 315 стр.

Совсем неталантливый, говорят, даже неспособный Юденич стал сколачивать вокруг Петрограда небольшие части для наступления на ближайшую Советскую столицу.

Пролилась кровь у Нарвы. Стал устанавливаться фронт. Юденич стал главнокомандующим сев.-зап. фронта,—так, по крайней мере, называли его колчаковцы. А в Прибалтийском крае Юденич чувствовал себя главою правительства. Собственно «у ворот Петрограда» были налицо целых две «главы» одного и того же правительственного центра—богослов А. В. Карташов и генерал Юденич. Сочетание замечательное: богослов и полководец. Богослов мудрил, полководец правил. Вообще говоря, доля так называемой интеллигенции у белых была несладкой. Кирдецов описывает весьма характерный случай военно-полевой расправы с неким, бывшим сотрудником «Дня», Садыкером, который был расстрелян «за сочувствие большевизму».

Приютившись на окраинах, которые царское правительство держало в порабощении, эти «правители» даже и в этих условиях «ничему не научились». Вот что, например, пишет Кирдецов: «Но А. В. Карташов, Юденич, Кузьмин-Караваев (*И. В. Гессена в Политическое совещание не пускали, потому что он «жид»*)...шли на поводу у Милюкова и Сазонова, которые—первый на берегах Темзы, а второй из роскошного палатца русского посольства на Rue de Grénelle—как боги олимпийские вешали, что признание независимости Финляндии может быть дано только Учредительным Собранием, которое будет созвано *после полной победы над большевиками, в обстановке общего успокоения*; что до тех пор никакие акты об отложении той или иной окраины не будут почитаться действительными».

Хорошо, действительно, сидеть на Rue de Grénelle и не разрешать финляндской «окраине» «отложиться!» Немудрено, что финны возражали русским правителям даже на те их «теории», которыми они, довольно, впрочем, доморощено, хотели отвести внимание финских капиталистических кругов в сторону «временной стратегической необходимости» держать войска в Финляндии.

Что касается политики самой Финляндии по отношению к Антанте, то она благоразумно прислушивалась, приглядывалась, прицеливалась. Она одинаково нуждалась в расположении всех членов Антанты. Из Соединенных Штатов она получала продовольственные продукты, из Англии—фабрикаты первой необходимости, из Франции—военных инструкторов и вооружение.

Кирдецов довольно подробно останавливается на политическом международном положении Финляндии. И это весьма любопытные страницы, в них документально доказано (по вопросу об Аландских островах), насколько трудные «казусы» создавались вследствие отсутствия России. И тут же видно, насколько Российское Советское правительство уже в 1919 году было в общем и целом *de facto* признано. По крайней мере с ним считались.

Что касается чисто военных действий, то они не блистали «стратегией». И даже

больше того, — вот какое имеется признание самого Юденича: «Я получил документальные данные, что члены штаба ген.-м. Балаховича и чины его личной сотни (черной сотни!! А. А.) занимались разбоями и грабежами, вымогательством и печатаньем фальшивых денег». Нечего сказать, штабы! Ясное дело: фальшивомоцетчики — плохие стратеги! И понятно, что снабжение всей армии стояло на весьма низком уровне: сплошь и рядом не выдавался хлеб по нескольку дней.

И вот когда такое правительство с такими штабами и армией было на голову разбито, началась «игра в политику». Лианозов, как министр иностранных дел, «завязывал» сношения с Финляндией, посылал ноты финляндскому правительству с признанием абсолютной независимости молодой республики».

Хотя и говорят «лучше поздно, чем никогда», но, кажется, в политике — наоборот: лучше никогда, чем поздно. Разбитое на «все морочки», Юденическое правительство вдруг признает «независимость»....

Плохо кончилась игра в политику. Кончилась тем, что Кирдецов называет «катастрофой», но что в действительности было простым и неизбежным провалом.

Ал. Аросев.

А. ВЕТЛУГИН. Авантюристы гражданской войны. Париж. Русское издат. «Север». 1921 г. 187 стр.

Франция издавна славились, как страна, в которой появлялись книги, сообщавшие самые дикие сведения о России. Упомянутая в заглавии книга может только укрепить эту заслуженную репутацию.

Автор претендует быть веселым, остроумным фельетонистом. Но эти претензии остаются простыми потугами. Трудно сказать, что автору мешает: отсутствие ли таланта, или непомерная злоба, которую он питает не только к коммунистам, но и ко всему русскому народу, осмелившемуся установить и поддержать ненавистную ему Советскую власть.

Было бы скучно перечислять все те нелепости, которые автор рассказывает

о коммунистах. Они ничем не уступают знаменитой «развесистой клюкве». Для образчика приведу только характеристику, которую он дает Бухарину.

По его словам, «Бухарин ненавидит вообще всех, желает гибели всем, одному за уменье говорить, другому за женскую любовь, третьему за красоту, четвертому за писательский талант» (стр. 118). «Иссиня бледный ст перманентной внутренней злобы Бухарин», — пишет он во втором месте. В третьем мы узнаем, что «Бухарин — владелец чужого дома на Кузнецком Мосту, подаренного ему Р.С.Ф.С.Р. осенью прошлого года».

Я привожу только одну эту характеристику. Справедливость требует признать, что в книге Ветлугина вряд ли можно найти равную ей: здесь автор превзошел себя в лживости и озлобленности.

Ветлугин рассказывает, что он жил при Советской власти в Москве. При этом он был, повидимому, близок с анархистами, бывал в их клубе, обедал у них. Он делал это не потому, что сам был анархистом. Тяготение к анархистам в то время (весна 1918 г.) обнаруживали многие противники Советской власти. «За анархистов — по словам Ветлугина — уцепились, как за возможный трамплин к лучшему будущему. Настали любопытные недели: в Купеческий клуб (там в то время помещался клуб анархистов. Н. М.) открылось паломничество представителей самых различных групп. Купцы, офицеры, рабочие (?), безработные адвокаты — приходили с самыми разнообразными предложениями и просьбами... «Так, организатор офицерских ячеек в Москве получил инструкцию с юга, из штаба Алексеева, — поддерживать интенсивную связь с организацией Льва Черного» (74—75).

Вот как описывает Ветлугин то, что он видел в то время в клубе анархистов.

«В обширной столовой клуба, за длинными столами, среди сотен курносых и скуластых физиономий, мелькали зачистую твердые подбородки и англо-саксонские профили; в штатском, слабо скрывавшем их личность, представители английской военной миссии и информационного отделения американского коми-